

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 4, pp. 649–662, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 93/94+327“17”

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-649-662

Чиновный статус русских дипломатов в посольских отношениях Русского государства с кочевниками севера Центральной Азии в XVII в.

Андрей Сергеевич Зуев¹, Дмитрий Константинович Попов²

¹ Новосибирский государственный университет (д. 1, ул. Пирогова, 630090 Новосибирск, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории

 0000-0003-2465-380X. E-mail: zuev.nsu@gmail.com

² Новосибирский государственный университет (д. 1, ул. Пирогова, 630090 Новосибирск, Российская Федерация)

лаборант

 0000-0003-1524-2857. E-mail: dmitriy_popov_1997@inbox.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Зуев А. С., Попов Д. К., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье впервые в историографии анализируется чиновный (социальный) статус русских дипломатов, которые направлялись в XVII в. с дипломатическими поручениями к главам кочевых военно-политических объединений севера Центральной Азии. *Цель исследования* — анализ чиновного статуса русских дипломатов и определение характера восприятия московским правительством статуса контрагента. *Методы и материалы.* Статья написана на основе широкого круга опубликованных и неопубликованных документов. Проведена систематизация и генерализация количественных и качественных данных о чиновном статусе русских дипломатов, выявленных в делопроизводственной документации (царских указах, наказах и наказных памятях, статейных списках, отписках воевод). *Результаты исследования.* Установлено, что посольства в Киргизскую и Телеутскую земли, Джунгарию и Монголию возглавляли, как правило, дети боярские, а также «начальные люди» — казацкие головы, атаманы, пятидесятники, десятники. Дипломатические миссии также нередко поручались рядовым служилым людям и изредка представителям коренного (нерусского) населения. *Выводы.* В семиотическом пространстве «посольского обычая» Российского государства в XVII в. посылка дипломатов незнатного происхождения и низкого социального статуса выполняла важную смысловую нагрузку: российское правительство явно демонстрировало, что тюркским и монгольским кочевым правителям оказывается меньше «чести», а также подчеркивало их неравный статус по отношению к русскому царю. Учитывая, что Русское государство стремилось установить контроль над кочевыми военно-политическими объединениями

севера Центральной Азии и привести кочевую элиту «под государеву высокую руку», отправ-
ка с дипломатическими поручениями сибирских служилых людей являлась вполне адекватной
целям русской экспансионистской политики. Низкий чин посла свидетельствовал не только
о политическом превосходстве русского царя над кочевыми правителями, но и о восприятии
русской стороной кочевников как потенциальных подданных этого царя.

Ключевые слова: чиновный статус, сибирские служилые люди, дипломатические отношения,
центрально-азиатские кочевники, Русское государство

Для цитирования: Зувев А. С., Попов Д. К. Чиновный статус русских дипломатов в посоль-
ских отношениях Русского государства с кочевниками севера Центральной Азии в XVII в. //
Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 4. С. 649–662. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-649-662

17th-Century Ambassadorial Relations between Russia and Central Asian Nomads: The Official Status of Russian Diplomats Analyzed

Andrey S. Zuev¹, Dmitry K. Popov²

¹ Novosibirsk State University (1, Pirogov St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Head of Department

 0000-0003-2465-380X. E-mail: zuev.nsu@gmail.com

² Novosibirsk State University (1, Pirogov St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation)

Department Assistant

 0000-0003-1524-2857. E-mail: dmitriy_popov_1997@inbox.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Zuev A. S., Popov D. K., 2022

Abstract. Introduction. The paper provides a first historiographic insight into official ranks and social status of Russian diplomats to have been dispatched on diplomatic missions to leaders of nomadic military/political associations across Northern Central Asia in the 17th century. **Goals.** The study aims to determine essentials of how the Tsardom of Russia tended to perceive its counterparties' status through the analysis of official positions and social backgrounds of Russian diplomats. **Materials and methods.** The article analyzes a wide range of published and unpublished documents, systemizes and generalizes qualitative and quantitative data pertaining to official ranks of Russian diplomats discovered in records management papers, such as Tsar's *ukazes*, *nakazes* and reminder *nakazes*, as well as those referred to as *stateyny spisok* (list of officers) and *otpiska voevody* (governor's report). **Results.** The work reveals diplomatic missions to Kirghiz and Teleut lands, Dzungaria and Mongolia were usually headed by offsprings of the nobility (*deti boyarskie*) and regular servicemen (*nachalnye lyudi*) — Cossack leaders, atamans, squadron (*pyatidesyatnik*) and section (*desyatnik*) commanders. However, it was not that rare when such diplomatic endeavors were entrusted to servicemen of lower ranks and, occasionally, representatives of indigenous (non-Russian) populations. **Conclusions.** In terms of 16th–17th century Russian ambassadorial semiotics, the choice of diplomats from commoners and those characterized by lower social status was definitely purposeful and aimed at demonstrating that Turkic and Mongolian nomadic rulers were to enjoy fewer honors due to a higher standing of the Russian Tsar. Since the Tsardom of Muscovy was seeking to gain control over the nomadic military/political alliances of Northern Central Asia and bring nomadic elites under 'the higher hand of the monarch', the appointments of lower-ranked servicemen as heads of diplomatic missions were to meet the goals (and logic) of Russian expansionist policy. Low ranks of dispatched diplomats indicated not only the Russian Tsar's political superiority over nomadic rulers but also attested to that Russians already tended to perceive nomads as potential subjects of the Tsar.

Keywords: official status, ranks, Siberian servicemen, diplomatic relations, Central Asian nomads, Tsardom of Russia

For citation: Zuev A. S., Popov D. K. 17th-Century Ambassadorial Relations between Russia and Central Asian Nomads: The Official Status of Russian Diplomats Analyzed. *Oriental Studies*. 2022; 15(4): 649–662. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-649-662

Введение

К началу XVII в. Русское государство имело большой опыт дипломатических отношений со странами Европы и Азии. Продвижение русских в Сибири привело к увеличению контрагентов российской внешней политики. В XVII в. были установлены постоянные контакты с кочевниками северной части Центральной Азии — тюркоязычными енисейскими киргизами и алтайскими телеутами, монголоязычными ойратами, хотогойтами и халхасцами, обитавшими вблизи тех сибирских территорий, которые оказались под властью русского царя. С ними русская сторона нередко вступала в вооруженное противостояние, но также вела активный дипломатический диалог, имевший две основные цели: во-первых, установление и поддержание мирных отношений, во-вторых, расширение круга подданных русского царя. Диалог осуществлялся в основном путем обмена посольствами. Русские посольства, отправляемые к кочевникам из сибирских городов, возглавляли, за редчайшими исключениями, служилые люди. Именно они вели переговоры в ставках степных правителей, передавали им послания и подарки от имени царя, в случае успеха своей миссии заключали соглашения и принимали от кочевой властной элиты присягу-шерть, скреплявшую мирный договор, а нередко оформлявшую и подчинение власти царя.

Факт участия сибирских служилых людей в посольской службе неоднократно отмечался историками, изучавшими служилое население Сибири и политические отношения Русского государства и центрально-азиатских кочевников (см., например: [Бахрушин 1955: 176–224; Шастина 1958; Чимитдоржиев 1978; Уманский 1980; Никитин 1988: 92; Боронин 2002; Чимитдоржиева 2006; Бутанаев 2007; Кушнерик 2008; Леонтьева 2012: 80–81]). Имеются даже специальные исследования, посвященные роли и вкладу служилых людей в установление и развитие дипломатических контактов с кочевыми народами [Оглоблин 1890; Катанаев 1893; Бродников 2012; Каменецкий 2015; Каменецкий 2018; Ананьев 2017; Добжанский 2019].

При этом, однако, никто из исследователей не обращался к специальному рассмотрению чиновного статуса служилых людей, направляемых с дипломатическими поручениями к кочевникам. А ведь этот исследовательский ракурс, как показывают результаты изучения социального статуса русских послов в контексте анализа «посольского обычая» на других направлениях русской внешней политики — европейском, крымском, ногайском (см., например: [Юзефович 1988; Юзефович 2011; Хорошкевич 2001: 196–208]), дает возможность лучше понять специфику и семантику посольских практик, применявшихся Российским государством в контактах с кочевыми объединениями севера Центральной Азии.

В семиотическом пространстве строго формализованного дипломатического протокола чин и ранг посла несут определенную смысловую нагрузку, выражая в первую очередь характер и уровень взаимоотношений между контрагентами. Иначе говоря, чин и ранг посла — явные показатели того, как одна сторона воспринимает другую в сравнении с собой. Особо это было актуально в те времена и в тех случаях, когда контактировавшими сторонами выступали государства с монархической формой правления. Российская дипломатическая практика не являлась в этом отношении исключением. Уже в Средневековой Руси сформировалось представление о том, что посол — не просто «безличный и механический передатчик» в процессе коммуникации, а доверенное лицо и воплощение своего правителя, и, соответственно, в ходе переговоров диалог идет не между послом и правителем, принявшем его, а между двумя правителями [Лихачев 1986: 143, 146; Юзефович 1988: 28; Рогожин 2019: 41, 45, 47].

При этом считалось, что чем выше чин посла, тем больше «чести» оказывает русский правитель своему зарубежному собеседнику [Юзефович 1988: 31]. Поэтому «чиновному» статусу дипломата придавалось очень важное значение. Степень же «чести» определялась рядом факторов: во-первых, традициями, длительностью и характером межгосударственных отношений, во-вторых,

представлениями, сложившимися в русской политической культуре, об иерархии правителей разных государств, в-третьих, важностью самой дипломатической миссии.

В настоящей статье мы представим результаты выявления и обработки данных, извлеченных из обширного комплекса опубликованных и неопубликованных источников, о чинах сибирских служилых людей, возглавлявших посольства и ведших переговоры с главами кочевых объединений севера Центральной Азии¹, а также интерпретацию этих результатов в целях понимания характера восприятия русской стороной статуса контрагентов и их места в иерархии правителей — субъектов международных отношений. Особо заметим, что наше внимание было акцентировано именно на чинах, и за рамками исследования остался вопрос о дипломатическом статусе — ранге, которым правительство наделяло служилого человека на время ведения переговоров. Под чинами же в контексте нашего исследования в соответствии с социальным дискурсом Московской Руси XVII в. [Лисейцев 2021: 160] понимаются различные категории служилых людей, которые выстраивались в иерархическом порядке.

Особо оговорим, что за редкими исключениями речь ниже будет идти о собственно сибирских служилых людях, т. е. тех, кто был приписан к гарнизонам сибирских

городов, являвшихся административными центрами уездов. Номинация чинов и чиновная иерархия сибирских служилых людей по прибору (рядовых казаков, десятников, пятидесятников и т. д.), имея некоторую специфику, в целом соответствовала номенклатуре служилых чинов и их субординации, существовавших в окраинных городах европейской части страны. Что же касается служилых людей по отечеству, то в Сибири, в отличие от других регионов Русского государства, они были представлены исключительно городскими детьми боярскими и с конца XVII в. — городскими дворянами. Других чинов служилых людей по отечеству в составе сибирских гарнизонов не было (см., например: [Никитин 1988: 26–51]). Однако в Сибирь на временную службу часто направлялись те, кто занимал высокое положение в служилой иерархии и, соответственно, обладал более высоким чином, нежели собственно сибирские служилые люди.

Укажем также, что в обработку были включены дипломатические миссии к тибетскому далай-ламе и главе монгольской буддийской церкви — хутухте (кутухте), поскольку они осуществлялись в контексте переговоров с хотогойтскими и халхаскими ханами, но исключены те миссии, которые направлялись в Китай и по пути следования какое-то время контактировали с главами кочевых объединений (в основном с целью получить разрешение на проезд по их владениям). Не рассматривали мы и те ситуации, когда переговоры с кочевниками велись на российской территории — в этом случае уже кочевой правитель направлял посольство в какой-то сибирский город и даже в Москву.

Хронологические рамки статьи ограничены XVII в. — с начала установления дипломатических отношений Российского государства с кочевниками севера Центральной Азии и до того времени, когда в Степи кардинально изменилась политическая обстановка: к концу XVII – началу XVIII в. большая часть существовавших здесь кочевых объединений либо исчезла, либо оказалась в составе России, Джунгарии и Китая. К тому же с началом модернизации России, затеянной Петром I, в российском дипломатическом дискурсе стали наблюдаться заметные новации, вызванные европейским культурным влиянием.

¹ Необходимая нам информация содержится в нормативно-распорядительных и отчетных документах, регулировавших и описывавших ход ведения переговоров — царских указах об организации и отправке посольств, наказах и наказных памятях руководителям посольских миссий, статейных списках (посольских отчетах-дневниках), фиксировавших ход и итоги переговоров. Значительная часть этих документов опубликована [Сборник 1879; РМО 1959; РМО 1974; РМО 1996; РМО 2000; Миллер 1999; Миллер 2000; Миллер 2005; Бутанаев, Абдыкалыков 1995; Бутанаев 2007]. Мы дополнили их сведениями из неопубликованных источников [РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1657 г. Д. 1; РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 477. Ч. 1. Д. 173; РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 12, 29, 32; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 702], а также персональной информацией о русских послах, извлеченной из исследований по истории международных отношений в Центральной Азии [Шастина 1958; Уманский 1980; Бутанаев 2007; Кушнерик 2008; и др.].

Чины русских послов, направляемых к европейским и азиатским правителям

Для лучшего понимания символической роли чинов сибирских служилых людей в дипломатических отношениях с кочевниками севера Центральной Азии необходимо для начала (и для сравнения) обозначить, какого социального статуса и каких чинов люди определялись в качестве послов на иных направлениях русской внешней политики.

В средневековой Руси посольские миссии наиболее часто возглавляли представители Русской православной церкви, обладавшие высоким священническим саном, дипломатические поручения также вверялись представителям княжеского окружения — княжичам, боярам, дружинникам, купцам [Лихачев 1986: 140–143; Юзефович 1988: 29–30].

Со становлением во второй половине XV–XVI в. Русского государства — Московского царства, оформлением чиновной иерархии государевых служилых людей, к руководству посольствами стали определяться люди Государева двора, обладавшие думными и московскими чинами. В XVII в. русские посольства в Речь Посполитую возглавляли бояре и окольничие, в Священную Римскую империю — окольничие и думные дворяне, в Швецию и Персию — окольничие, стольники, дворяне, в Англию — стольники, в Данию и Турцию — окольничие, думные дворяне и стольники, в Голландию и немецкие государства — думные дворяне и стольники, в Крымское ханство — окольничие, стольники и дворяне [Котошихин 1884: 45–46; Памятники 1891: 43, 46, 79–80, 170, 174, 176, 187, 189; Талина 2012: 185, 196, 198, 200, 201]. При этом посольства в указанные страны направлялись непосредственно из Москвы.

Иная картина в то же время наблюдалась в отношениях Русского государства с правителями Бухары, Хивы, Балха, Ногайской Орды, северо-кавказских народов и поволжских калмыков. К ним посылали дипломатические миссии из приграничных городов, и эти миссии возглавляли лица из числа городских (уездных) служилых людей (дворян, детей боярских, подьячих, толмачей, казаков). С мелкими поручениями (например, для передачи царских подарков) отправляли даже торговых людей [Сборник 1879: 389, 502; Материалы по истории 1932: 158–159;

Кабардино-русские отношения 1957: 87, 90, 93, 98, 155, 209; Русско-индийские отношения 1958: 356–357; Жуковский 1915: 15–16, 26, 29, 35, 36; История Калмыкии 2009: 278, 282, 308, 310, 358; Моисеев 2011: 193–195; Трепавлов 2016: 586]. Схожим образом осуществлялись контакты и с Индией, куда для выполнения определенных дипломатических задач направляли в основном торговых людей [Русско-индийские отношения 1958: 65–66, 99–100, 214–215, 356–357].

Чины глав дипломатических миссий, направляемых к кочевникам севера Центральной Азии

На центрально-азиатском же направлении сложилась следующая практика. К главам кочевых военно-политических объединений посольства отправлялись исключительно из сибирских городов — Тобольска, Тары, Тюмени, Томска, Кузнецка, Красноярска, Енисейска, Селенгинска, Нерчинска. По предписанию из Москвы их состав формировали воеводы, управлявшие сибирскими уездами. При этом центральные ведомства (Посольский, Казанский и Сибирский приказ), причастные к выработке политики в отношении кочевников, соседствовавших с русскими владениями в Сибири, формулируя цели каждого посольства, крайне редко конкретизировали, кто именно должен его возглавить и каким чином он должен обладать (см. например: [РМО 1959: 174–177; РМО 1974: 18, 288; РМО 1996: 47, 80; РМО 2000: 97]). Как правило, рекомендовалось посылать тех, кому «посольское дело» «за обычаем» и «пригоже» (см. например: [РМО 1959: 22, 27, 32, 36, 37, 147, 174; РМО 1974: 18, 288; РМО 1996: 47, 55, 75]), т. е. решение вопроса о главе и составе посольства передавалось воеводам, а они, надо полагать, назначали в него тех, кто имел представление о контрагентах и способен был вести с ними переговоры. И посольства, как правило, возглавляли сибирские служилые люди, приписанные к гарнизонам сибирских городов. При этом согласно правительственным предписаниям им, невзирая на их чины, давались полномочия вести от имени царя полноценные переговоры и заключать соглашения.

На протяжении XVII в. по распоряжению Москвы в ставках кочевников побывало, по нашим подсчетам, не менее 160 российских дипломатических миссий. Для 150 из них удалось установить чины руководителей (см. табл. 1).

Таблица 1. Чины руководителей русских посольств
к кочевникам севера Центральной Азии в XVII в.
[Table 1. Ranks of officials to have headed 17th-century Russian embassies
to nomads of Northern Central Asia]

Чины руководителей посольств	Дипломатический контрагент						Всего:
	Хотогойт- ские алтын-ханы, далай-лама ¹	Халхаские ханы и пр. правители, хутухта	Ойратские (в том числе джунгарские) контайши	Ойрат- ские тайджи и тайши	Телеут- ские князцы	Кир- гизские князцы	
Московский жилец		2					2
Дворянин	1						1
Дети боярские	11	7	16	12	20	6	72
Казачьи головы, атаманы, ротмистры, сотники	3	1	2	6	2	2	16
Пятидесятники, десятники	2	3		1	4	8	18
Рядовые казаки ²	1		8	8	5	2	24
Толмачи				1		2	3
Служилые люди ³			1	3	2	1	7
Служилые татары				1	2		3
Отставной казак					1		1
Родственник служилого человека					1		1
Ясачные татары ⁴				1	1		2
Всего:	18	13	27	33	38	21	150
Неизвестно					8	2	10
Итого:					46	23	160

Примечания: ¹ Тибетский далай-лама находился в улусах хотогойтского алтын-хана. ² Казаки конные, пешие, литовского списка. ³ Конкретный чин не известен. ⁴ Отставные служилые люди, родственники служилых людей и тем более ясачные люди не занимали никакого места в служилой иерархии и, соответственно, не обладали служилыми чинами. Однако, следуя принятой в XVII в. практике номинации социальных групп чинами («всяких чинов люди Московского государства»), их также можно включить в общую «чиновную» (в современном понимании — социальную) классификацию и условно называть «чинами».

Таблица сост. по: [РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 3, 4; РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1658 г. Д. 1. Л. 1, 5–7; РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 477. Ч. 1. Д. 1. Л. 173–173об.; РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 12. Л. 1–3; РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 29. Л. 1–6; РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 32. Л. 1–4; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 702. Л. 2–7, 9–10, 16, 21, 24–25, 26, 27; РМО 1959: 22, 24, 28, 31, 32, 37–40, 44, 55, 62, 69, 101, 111, 112, 113, 144, 168, 189, 191, 267; РМО 1974: 24, 26, 32, 50, 64, 69–71, 90, 103, 134, 149, 190, 203, 215, 217, 219, 228, 235, 236, 248, 272, 282–283, 329, 345–346, 352, 367, 368, 376, 381, 395; РМО 1996: 22, 23, 26, 34, 51, 54, 68, 71, 89, 93, 105, 115, 121, 144, 147, 169, 183, 192, 208, 220, 227, 237, 242, 243, 247, 248, 256–257, 277, 318, 324, 333, 363, 375; РМО 2000: 73, 84, 107–117, 182, 283; Международные отношения 1989: 216–218; Сборник 1879: 303–304; ПСИ 1882: 69, 174; Миллер 1999: 415; Миллер 2000: 373, 434, 443, 471, 588; Миллер 2005: 241; Бутанаев, Абдыкалыков 1995: 66, 69, 86, 118, 126, 135, 158, 164; Бутанаев 2007: 59; Уманский 1980: 42–44, 57–58, 67–68, 70, 74, 76–77, 79, 80, 89–91, 92, 93, 126, 133, 141, 142, 148, 151, 152–153, 161, 168; Чертыков 2007: 98, 102, 194, 310–315].

Выяснилось, что только 3 миссии возглавляли люди, обладавшие чинами выше чина городского сына боярского. В конце 1687 – начале 1688 г. по поручению полномочного посла Ф. А. Головина переговоры с главой монгольской буддийской церкви Ундур-гегеном-хутухтой вел тобольский служилый человек И. Р. Качанов, имевший московский чин жильца [РМО 2000: 107–117, 126, 134]. В конце 1688 г. он же был послан к монгольским тайджи для переговоров о принятии ими русского подданства [РМО 2000: 182]. Кроме того, намного ранее, в 1634 г., дипломатическую миссию к хотогойтскому алтын-хану возглавлял Я. О. Тухачевский [РМО 1959: 193, 203–214]. В источниках 1630-х гг. он крайне редко называется то сыном боярским [РМО 1959: 176, 186], то дворянином [РМО 1959: 191, 197, 198], но чаще упоминается вообще без какого-либо чина, даже в челобитных, поданных им на имя царя [РМО 1959: 236, 249; Добжанский 2019: 126, 129, 130, 131].

Вся совокупность известных сведений о Я. О. Тухачевском позволяет полагать, что во время посольства к алтын-хану он официально не был приписан к какому-либо сибирскому гарнизону. Связано это было с тем, что Я. О. Тухачевского, бывшего смоленским служилым человеком, в 1629 г. сослали в Томск «в служилые люди», но при этом он должен был служить «с своего поместья и с вотчины, что ныне за ним» [Добжанский 2019: 125, 126]. Иначе говоря, ему не полагалось «государево ежегодное жалованье», соответственно, его фамилия не попала в томские окладные книги жалования, и, как следствие, он, будучи обязанным нести службу, оказался без «приписки» к какому-либо чину в иерархии томских служилых людей. Обладание официальным чином в гарнизоне Томска неизбежно влекло бы получение жалования (это было нормой для сибирских служилых людей), однако Я. О. Тухачевский в одной из своих челобитных особо отметил, что «государева денежно жалования» ему давать «не указано» [Добжанский 2019: 128].

При этом сохранение за Я. О. Тухачевским поместных и вотчинных владений в европейской части страны свидетельствует о том, что он продолжал входить в катего-

рию служилых людей по отчеству. Вероятно, это обстоятельство и давало основание обозначать Я. О. Тухачевского в документах, связанных с посольством к алтын-хану, то сыном боярским, то дворянином. По сведениям В. Н. Добжанского, до ссылки в Сибирь Я. О. Тухачевский «был служилым человеком по выбору и принадлежал к верхушке смоленского служилого сословия, он был выборным дворянином» [Добжанский 2019: 111]. Данный факт дает нам право считать, что миссию к алтын-хану в 1634 г. возглавлял человек, обладавший высоким (для Сибири) чиновным статусом (хотя и ссыльный).

Собственно сибирские дворяне (т. е. дворяне, приписанные к сибирским городovým гарнизонам) посольские миссии вообще не возглавляли. Это неудивительно, поскольку данный чин сибирским служилым людям стал «жаловаться» только с конца XVII в. До этого времени высшим чином в сибирской служилой иерархии являлся чин городского сына боярского. И сибирским служилым людям, имевшим этот чин, наиболее часто на протяжении XVII в. вверялись посольские поручения к кочевникам — 72 раза. Отправка детей боярских в качестве глав дипломатических миссий стала практиковаться с 1617 г., когда к «колмакам» ездил тарский сын боярский Т. Харламов [РМО 1959: 69].

Следом за детьми боярскими идут находившиеся ниже их в чиновной иерархии представители командного и рядового состава служилых людей по прибору. «Начальные люди» возглавляли дипломатические миссии 34 раза (в том числе казачьи головы — 3, атаманы — 10, ротмистры — 1, стрелецкие сотники — 2, пятидесятники — 10, десятники — 8), рядовые казаки (конные, пешие, литовского списка) — 24 раза. Данные цифры, однако, несколько условны, поскольку в документах руководитель посольства мог быть обозначен казаком «обобщено», без конкретизации его чина (десятник, пятидесятник и т. д.). Поэтому не исключено, что среди тех, кто маркировался просто казаками, могли быть люди, принадлежавшие к командному составу¹.

¹ Так, например, в 1616 г. Влас Калашников, отправленный к калмыкам, обозначен в грамоте Казанского приказа как конный казак [РМО

Это же замечание относится и к тем 7 случаям, когда в документах вообще не обозначены чины руководителей посольств, а только указано, что они являются служилыми людьми.

Заметим, что с момента установления дипломатических контактов с кочевниками и до 1617 г. к ним в качестве глав миссий посылались как раз служилые люди по прибору: к ойратским (калмыцким) тайшам в 1607 г. — казачий голова Б. Бойгачев [РМО 1959: 24–26], в 1610 г. — конный казак А. Черный [РМО 1959: 37, 38] и атаман П. Голубин [РМО 1959: 38, 39], в 1616 г. — конный казак В. Калашников [РМО 1959: 44] и казак литовского списка Т. Петров [РМО 1959: 44], к хотогойтскому алтын-хану в 1608 г. — конный казак И. Белоголовый [РМО 1959: 31], в 1616 г. — атаман В. Тюменец [РМО 1959: 55–56].

Три раза руководство посольством поручалось служилым людям — толмачам (переводчикам): к калмыцким тайшам в 1607 г. ездил Т. Алексеев [РМО 1959: 28–29], к киргизским князям в 1677 г. — К. Капустин [РГАДА. Ф. 214. Стб. 702. Л. 21] и в 1700 г. — А. Кожевников [ПСИ 1882: 69].

Иногда переговоры доверяли вести представителям местного населения, находившимся на русской службе. В 1609 и 1621 гг. к телеутскому князю Абаку отправляли томского служилого татарина князца Тояна [Миллер 1999: 415; РМО 1959: 112], в 1673 г. к калмыцкому тайше Дундуку — тобольского служилого татарина А. Кульмаетева [РМО 1996: 256–257].

Наконец, зафиксировано 4 случая, когда переговоры с кочевниками вели люди, формально не числившиеся на государственной службе: с калмыцкими тайшами в 1607 г. — тарские ясачные татары — князцы Енобай и Куготай [РМО 1959: 22], с упомянутым выше князем Абаком в 1625 г. — толмач Янсар [Уманский 1980: 44], с телеутским князем Табуном в 1678 г. — томский отставной казак И. Данилов [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 702. Л. 24–25; Уманский 1980: 132], в 1695 г. — родственник (сын) томского [РМО 1959: 44], а в грамоте того же приказа 1619 г. — уже как атаман [РМО 1959: 78]. Вряд ли он за три года смог выслужиться из рядовых казаков в атаманы, соответственно в 1616 г. у него явно был какой-то казачий чин.

го сына боярского Н. Прокофьев [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 32. Л. 1–4].

Крайне редко на переговоры к кочевникам отправляли одного человека, который собственно и выполнял функцию посла. Обычно же его сопровождали несколько человек, иногда — более десяти. Как правило, среди них был «товарищ» посла (второй человек в посольстве) либо представитель местного аппарата управления — подьячий, либо служилый человек, имевший чин не выше того чина, который был у посла. Если посол не владел языком контрагента, то в помощь ему придавались один–два толмача из числа служилых людей или сибирских иноземцев. Различные вспомогательные функции выполняли казаки. В случае необходимости к посольству могли определить провожатых («вожей») из местного населения, знавших кратчайшие пути до ставки кочевого правителя.

Таким образом, в значительном числе случаев (более 73 % от числа всех посольств с известным чином руководителя) к кочевникам в качестве лиц, уполномоченных вести переговоры, направляли служилых людей по отчеству, преимущественно детей боярских, и служилых людей по прибору, принадлежавших к командному составу (голов, атаманов, ротмистров, сотников, пятидесятников и десятников). Если же рассмотрение чиновного статуса послов конкретизировать применительно к контрагентам, выявляется следующая картина.

В дипломатических контактах с хотогойтскими алтын-ханами, а также с находившимся в их ставке тибетским далай-ламой, сложилась практика отправки в качестве послов детей боярских (11 посольств). Два раза к ним посылали пятидесятников, по одному разу — дворянина, казачьего голову, атамана, ротмистра и конного казака. К халхаским ханам/хунтайджи, тайджи, нойонам и главе буддийской церкви — хутухте посылали московского жильца (2 посольства), детей боярских (7 посольств) и казачьих «начальных людей» (4 посольства: атаман — 1, пятидесятник — 2, десятник — 1). К ойратским (в том числе джунгарским) контайшам/хунтайджам отправляли детей боярских (16 посольств), стрелецкого сотника (2 посольства), казаков (8 посольств). Кроме того, у руководителя одного посоль-

ства — служилого человека — в документах не указан чин.

К ойратским тайшам и тайджам ездили дети боярские (12 посольств), «начальные люди» (7 посольств: казачьи головы — 2, атаманы — 4, десятник — 1), казаки (8 посольств), служилый человек — толмач (1 посольство), служилые люди без указания чина (3 посольства), служилый татарин (1 посольство), а также ясачный татарин (1 посольство).

Посольства к телеутским князям 20 раз возглавляли дети боярские, 6 — «начальные люди» (по два раза — атаманы, пятидесятники, десятники), 5 — рядовые казаки, по два раза — служилые люди без указания чина и служилые татары, по одному разу — не служилые люди (отставной казак, родственник служилого человека, ясачный татарин); к киргизским князям 6 раз — дети боярские, 10 — «начальные люди» (атаманы — 2, пятидесятники — 4, десятники — 4), по два раза — казаки и толмачи, один раз — служилый человек без указания чина. У руководителей 8 посольств к телеутам и 2 посольств к киргизам не удалось выявить их чиновный статус.

Следует особо заметить, что характер (мирный или враждебный) русско-кочевнических отношений, а также властный статус контрагентов никак не влиял на то, с каким чином русская сторона посылала к ним дипломата. И хотя предпочтение при назначении послов, как уже говорилось, отдавалось высшим чинам сибирских служилых людей — детям боярским, во многих случаях все же отправляли тех, кто даже по меркам Сибири занимал низшие ступени в служилой чиновной иерархии.

Семиотика посольской практики

Интерпретируя вышеизложенные данные, можно уверенно констатировать, что чиновный статус русских послов, ездивших из сибирских городов к кочевникам севера Центральной Азии, был существенно ниже, нежели послов, направленных из Москвы в европейские государства, Крымское ханство, Турцию и Персию, но в целом соответствовал чинам послов в те страны и к тем народам, правители которых, по мнению русской стороны, занимали низшие позиции в мировой политической иерархии, или о которых у руководителей российской

внешней политики имелось весьма смутное представление (как например, о правителях Бухары, Хивы, Балха и Индии).

И здесь следует заметить, что направление послами людей, имевших различные чины, позволяло российскому монарху в символической форме ранжировать свое отношение к иностранным правителям. Как писал В. С. Мясников, «для дипломатии того времени было исключительно важно не зависеть политическое положение государства-контрагента, ибо это вело к умалению собственного престижа. При московском дворе всякий раз тщательно анализировали сведения о тех странах, с которыми вступали в контакты, классифицируя их по своеобразной „табели о рангах“» [Мясников 1980: 87].

Назначение во главе посольства человека с невысоким чиновным и/или социальным статусом свидетельствовало о том, что царь оказывал меньше чести тому правителю, который принимал это посольство, и тем самым демонстрировал свое превосходство над ним. Понижение чина посла сопровождалось сокращением численности его свиты, уменьшением объема и стоимости царских подарков иностранному правителю, что также выражало отношение Москвы к контрагенту как неравноправному партнеру переговоров.

В случае с центрально-азиатскими кочевниками это неравенство усиливалось вследствие того, что российская сторона рассматривала контрагентов как потенциальных или реальных подданных царя. Такое восприятие подкреплялось тем, что главы кочевых объединений по итогам переговоров нередко приносили царю присягу-шерть на верность и тем самым признавали (правда, лишь формально) свою зависимость от него¹.

Низкое, в глазах русского правительства, положение кочевых вождей в иерархии иностранных правителей подчеркивалось и тем, что оно перепоручало подбор людей к исполнению обязанностей послов местным сибирским воеводам, а сами послы

¹ О шертованиях правителей тюркских и монгольских кочевников см.: [Шастина 1958: 36; Чимитдоржиев 1978: 19–21, 23–25, 26, 28, 35, 37, 55–56, 73; Уманский 1980: 11–33, 35; Чимитдоржиева 2006: 56–66; Бутанаев 2007: 58–92; Кушнерик 2008: 25–28, 32, 48–49].

направлялись не из столицы (т. е. не непосредственно от царя), а из сибирских городов. Разумеется, Москва тем самым экономила на снаряжении посольств, открывала возможность оперативного реагирования на изменение военно-политической ситуации в регионе и санкционировала ведение переговоров людьми, знакомыми с местной обстановкой и имевшими опыт общения с разнообразным населением южносибирского пограничья. Подобный прагматизм, как подмечал Г. К. Котошихин, служивший в Посольском приказе, присутствовал во внешнеполитической практике московского правительства. Так, в частности, в своем сочинении «О России в царствование Алексея Михайловича» он специально обратил внимание на то, что к римскому цесарю — императору Священной Римской империи германской нации «великие послы не посылаются давно, потому что дальней проезд, чрез многие разные государства, и послом великим в дороге будет много шкоты и убытков. А посылаются к цесарю посланники роду середнего, которые бывают в думных дворянах и в околничих» [Котошихин 1884: 45].

Однако отправка к императору дипломата более низкого статуса, чем, например, к королям Речи Посполитой или Швеции, не означало, что русский царь оказывал ему меньше чести. «Середний» статус дипломатов компенсировался иными атрибутами посольской практики, свидетельствующими о том, что глава «германской нации» воспринимался российской стороной как стоящий выше всех прочих европейских правителей [Котошихин 1884: 39, 45, 60].

Однако в случае с кочевыми правителями направление к ним послов низкого статуса определялось все же не прагматизмом, а тем местом, которое московские власти отводили этим правителям в своей картине политического мироустройства. Диалог с ними российская сторона вела, явно упрощая ритуально-символическую атрибутику. И здесь для сравнения можно привести в пример изменение чиновного статуса дипломатов в русско-китайских отношениях. Долгое время, пока в Москве располагали весьма скудной информацией о Китае и не могли точно идентифицировать властный статус его правителя (применяя к нему титулы то царя, то хана, то князя), главами

дипломатических миссий в это государство определяли людей с невысокими чинами: в 1618 г. из Томска был послан томский казак И. Петлин, в 1653 г. с Амура (из отряда Е. П. Хабарова) — якутский казак Т. Е. Чечигин (причем по указанию якутского воеводы без согласования с Москвой), в 1654 г. из Тобольска — дворянин по московскому списку Ф. И. Байков, в 1670 г. из Нерчинска — нерчинский казачий десятник И. М. Милованов (по инициативе нерчинского воеводы), в 1673 г. из Москвы — переводчик Посольского приказа Н. Г. Спафарий. И только получив (во многом благодаря Спафарию) достаточно полное представление о политическом весе и могуществе китайского правителя, Москва, невзирая на все расходы, резко повысило статус своего дипломатического представителя: в 1686 г. «великим и полномочным послом» «для договоров и успокоения ссор китайского богдыхана» был назначен член Боярской думы окольничий Ф. А. Головин, с которым была послана большая свита¹.

Заключение

К центрально-азиатским кочевникам — енисейским киргизам, алтайским телеутам, ойратам, хотогойтам и халхасцам — в качестве руководителей дипломатических миссий посылались люди, принадлежавшие к низшим — городовым (уездным) — категориям государевых служилых людей, которые несли службу непосредственно в Сибири. При этом предпочтение все же отдавалось тем, кто принадлежал к числу детей боярских или к командному составу («начальным людям»). Отправляя к кочевникам послов низкого чиновного (и, соответственно, социального) статуса россий-

¹ В XVII в. в Китай также отправляли торговые миссии, руководители которых, имея невысокие служилые чины или вообще не имея их, могли неофициально выполнять дипломатические функции. Эти миссии возглавляли: в 1653 г. голова тобольских служилых татар П. Ярыжкин, в 1657 г. — тарский сын боярский И. С. Перфильев, в 1668 г. — тобольский юртовской «бухаретин» (выходец из Бухары) С. Аблин, в 1692 г. — «датские земли торговый человек» Э. И. Идес. См.: [РКО 1969: 8, 11, 12, 15, 16, 18, 130–131, 142–146, 151–152, 194, 200, 218, 220, 264–265, 270–271, 273–275; РКО 1972: 71; РКО 1978: 9; Мясников 1980: 61, 76, 79, 81, 83, 86, 108, 117, 123, 188].

ское правительство тем самым выражало свое отношение к их предводителям, отводя им невысокое место в иерархии зарубежных правителей. Такая практика вполне была соразмерна тем целям, которые преследовала московская дипломатия — установление

протекторатных (со стороны российского монарха) и вассальных (со стороны кочевых правителей) отношений, включение кочевых объединений в зону политического влияния Российского государства с их возможным последующим полным подчинением.

Источники

- РГАДА — Российский государственный архив древних актов.
- Бутанаев, Абдыкалыков 1995 — *Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А.* Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII вв. Абакан: [б. и.], 1995. 250 с.
- Кабардино-русские отношения 1957 — Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. Т. 1: XVI–XVII вв. / сост.: Н. Ф. Демидова, Е. Н. Кушева, А. М. Персов. М.: АН СССР, 1957. XVI, 478 с.
- Котошихин 1884 — *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб.: Изд. Археогр. комиссии, 1884. XXXVI, 196, XX с.
- Материалы по истории 1932 — Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв. / ред. А. Н. Самойлович. Л.: АН СССР, 1932. XVIII, 504, [2] с.
- Международные отношения 1989 — Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы / сост.: Б. П. Гуревич, В. А. Моисеев. Кн. 1. М.: Наука, 1989. 373 с.
- Памятники 1891 — *Лашков Ф. Ф.* Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящиеся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел. Симферополь: Тип. газ. «Крым», 1891. IX, 206 с.
- ПСИ 1882 — Памятники Сибирской истории XVIII века / ред. А. И. Тимофеев. Кн. 1:

1700–1713 СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1882. XXXII, 551 с.

- Русско-индийские отношения 1958 — Русско-индийские отношения в XVII веке. Сб. док. М.: Вост. лит., 1958. 455 с.
- РКО 1969 — Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 1: 1608–1683 / сост.: Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. М.: Наука, 1969. 613 с.
- РКО 1972 — Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 2: 1686–1691 / сост.: Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. М.: Наука, 1972. 835 с.
- РКО 1978 — Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы. Т. 1: 1700–1725 / сост.: Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников, Г. И. Саркисова; ред. С. Л. Тихвинский. М.: Наука, 1978. 703 с.
- РМО 1959 — Русско-монгольские отношения. 1607–1636: сб. док. / сост.: Л. М. Гатаулина, М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук; отв. ред.: И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов. М.: Вост. лит., 1959. 352 с.
- РМО 1974 — Русско-монгольские отношения. 1636–1654: Сб. док. / сост.: М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. М.: Наука, 1974. 469 с.
- РМО 1996 — Русско-монгольские отношения. 1654–1685: Сб. док. / сост. Г. И. Слесарчук; отв. ред. Н. Ф. Демидова. М.: Вост. лит., 1996. 559 с.
- РМО 2000 — Русско-монгольские отношения. 1685–1691: Сб. док. / сост. Г. И. Слесарчук; ред.: Г. И. Слесарчук, Н. Ф. Демидова. М.: Вост. лит., 2000. 487 с.
- Сборник 1879 — Сборник князя Хилкова. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1879. 12, 580, 35 с.

Sources

- Russian State Archive of Ancient Acts.
- Antonova K. A. et al. (eds.) Russian-Indian Relations, 17th Century. Collected documents. Moscow: Publishing House of Oriental Literature, 1958. 455 p. (In Russ.)
- Butanaev V. Ya., Abdykalykov A. Khakassia, 17th to Early 18th Centuries: Historical Materials. Abakan, 1995. 250 p. (In Russ.)

- Demidova N. F. et al. (comps.) Kabardian-Russian Relations, 16th–18th Centuries. Documents and materials. Vol. 1: 16th–17th Centuries. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1957. XVI, 478 p. (In Russ.)
- Demidova N. F. et al. (comps.) Russian-Chinese Relations, 18th Century. Materials and documents. Moscow: Nauka, 1978. Vol. 1: 1700–1725. 703 p. (In Russ.)

- Demidova N. F., Myasnikov V. S. (comps.) Russian-Chinese Relations, 17th Century. Materials and documents. Moscow: Nauka, 1969. Vol. 1: 1608–1683. 613 p. (In Russ.)
- Demidova N. F., Myasnikov V. S. (comps.) Russian-Chinese Relations, 17th Century. Materials and documents. Moscow: Nauka, 1972. Vol. 2: 1686–1691. 835 p. (In Russ.)
- Gataullina L. M. et al. (comps.) Russian-Mongolian Relations, 1607–1636. Collected documents. Moscow: Publishing House of Oriental Literature, 1959. 352 p. (In Russ.)
- Golman M. I., Slesarchuk G. I. (comps.) Russian-Mongolian Relations, 1636–1654. Collected documents. Moscow: Nauka, 1974. 469 p. (In Russ.)
- Gurevich B. P., Moiseev V. A. (comps.) International Relations in Central Asia, 17th–18th Centuries. Documents and materials. Moscow: Nauka, 1989. Book 1. 373 p. (In Russ.)
- Khilkov G. (comp.) The Collection of Prince Khilkov. St. Petersburg: Panteleev Brothers, 1879. 12, 580, 35 p. (In Russ.)
- Kotoshikhin G. K. Russia in the Reign of Aleksey Mikhaylovich. St. Petersburg: Archaeographic Commission, 1884. XXXVI, 196, XX p. (In Russ.)
- Lashkov F. F. Moscow Chief Archive of [Russia's] Foreign Affairs Ministry: Monuments of Diplomatic Relations between the Crimean Khanate and the Tsardom of Muscovy, 16th–17th Centuries. Simferopol: Krym, 1891. IX, 206 p. (In Russ.)
- Samoylovich A. N. (ed.) Uzbek, Tajik, and Turkmen Soviet Socialist Republics: Historical Materials. Part 1: Central Asia Its Trade with the Tsardom of Muscovy and International Standing in the 16th–17th Centuries. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1932. XVIII, 504, [2] p. (In Russ.)
- Slesarchuk G. I. (comp.) Russian-Mongolian Relations, 1654–1685. Collected documents. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1996. 559 p. (In Russ.)
- Slesarchuk G. I. (comp.) Russian-Mongolian Relations, 1685–1691. Collected documents. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2000. 487 p. (In Russ.)
- Timofeev A. I. (ed.) Monuments of 18th-Century Siberian History. Book 1: 1700–1713. St. Petersburg: Internal Affairs Ministry [of Russia], 1882. XXXII, 551 p. (In Russ.)

Литература

- Ананьев 2017 — *Ананьев Д. А.* Участие сибирских служилых людей в установлении и развитии русско-ойратских дипломатических отношений в первой половине XVII в. // Гуманитарные проблемы военного дела. 2017. № 4. С. 93–97.
- Бахрушин 1955 — *Бахрушин С. В.* Енисейские киргизы в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М.: АН СССР, 1955. С. 176–224.
- Боронин 2002 — *Боронин О. В.* Двоедланничество в Сибири. XVII – 60-е гг. XIX вв. Барнаул: Азбука, 2002. 216 с.
- Бродников 2012 — *Бродников А. А.* Третье поколение Перфильевых (из истории сибирской служилой династии XVII века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. № 8. С. 27–34.
- Бутанаев 2007 — *Бутанаев В. Я.* История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2007. 296 с.
- Добжанский 2019 — *Добжанский В. Н.* Яков Остафьевич Тухачевский в Сибири (1629–1647 годы) // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2019. № 10. С. 109–138.
- Жуковский 1915 — *Жуковский С. В.* Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг.: Типо-лит. Н. И. Евстифеева, 1915. XII, 215 с.
- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. 845 с.
- Каменецкий 2015 — *Каменецкий И. П.* «Белорусцы» Аршинские на службе в Сибири в XVII веке // Гуманитарные проблемы военного дела. 2015. № 3. С. 83–87.
- Каменецкий 2018 — *Каменецкий И. П.* Посольство дворянина Я. Тухачевского к Алтын-хану: старое и новое в русской посольской практике XVII в. // Гуманитарные проблемы военного дела. 2018. № 1. С. 165–172.
- Катанаев 1893 — *Катанаев Г. Е.* Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях. По показаниям, разведкам, доезжим записям, отчетам и исследованиям западно-сибирских казаков и прочих служилых сибирских людей // Записки Зап.-Сиб. отдела Рус. геогр. о-ва. Кн. 14. Вып. 1. Омск: Тип. Окружн. штаба, 1893. С. 3–72.
- Кушнерик 2008 — *Кушнерик Р. А.* Русско-джунгарские дипломатические отношения (начало XVII – 50-е гг. XVIII в.). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2008. 266 с.

- Леонтьева 2012 — *Леонтьева Г. А.* Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой трети XVIII вв. М.: МПГУ, 2012. 320 с.
- Лисейцев 2021 — *Лисейцев Д. В.* Люди и чины: сложные вопросы социальной стратификации России XVI–XVII вв. // *Российская история*. 2021. № 1. С. 157–163.
- Лихачев 1986 — *Лихачев Д. С.* Русский посольский обычай XI–XIII вв. // *Лихачев Д. С.* Исследования по древнерусской литературе. Л.: Наука, 1986. С. 140–153.
- Миллер 1999 — *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М.: Вост. лит., 1999. Т. 1. 630 с.
- Миллер 2000 — *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М.: Вост. лит., 2000. Т. 2. 795 с.
- Миллер 2005 — *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М.: Вост. лит., 2005. Т. 3. 598 с.
- Моисеев 2011 — *Моисеев М. В.* Модели поведения дипломатов Московской Руси: общее и индивидуальное (на примере русско-ногайских отношений XVI века) // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. 2011. Вып. 4. Минск: РИВШ, 2011. С. 195–201.
- Мясников 1980 — *Мясников В. С.* Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М.: Наука, 1980. 312 с.
- Никитин 1988 — *Никитин Н. И.* Служилые люди Западной Сибири XVII в. Новосибирск: Наука, 1988. 254 с.
- Оглоблин 1890 — *Оглоблин Н. Н.* Сибирские дипломаты XVII века (Посольские «статейные списки») // *Исторический вестник*. 1890. Т. 46. № 10. С. 156–171.
- Рогожин 2019 — *Рогожин Н. М.* У государевых дел быть указано... История Посольско-го приказа. М.; Берлин: Direct Media Publ., 2019. 304 с.
- Талина 2012 — *Талина Г. В.* Наместники и наместничества в конце XVI – начале XVIII века. М.: Прометей, 2012. 230 с.
- Трепавлов 2016 — *Трепавлов В. В.* История Ногайской орды. Казань: Казанская недвижимость, 2016. 764 с.
- Уманский 1980 — *Уманский А. П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 296 с.
- Хорошкевич 2001 — *Хорошкевич А. Л.* Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 336 с.
- Чертков 2007 — *Чертков В. К.* Хакасия в XVII – начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. Абакан: Хакаское кн. изд-во, 2007. 334 с.
- Чимитдоржиев 1978 — *Чимитдоржиев Ш. Б.* Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1978. 215 с.
- Чимитдоржиева 2006 — *Чимитдоржиева Л. Ш.* Русские посольства к монгольским Алтан-ханам XVII в. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2006. 156 с.
- Шастина 1958 — *Шастина Н. П.* Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М.: Вост. лит., 1958. 182 с.
- Юзефович 1988 — *Юзефович Л. А.* «Как в посольских обычаях ведется...» Русский посольский обычай конца XV – начала XVII в. М.: Междунар. отношения, 1988. 216 с.
- Юзефович 2011 — *Юзефович Л. А.* Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб.: Изд-во Ивана Лимаха, 2011. 340 с.

References

- Ananyev D. A. Participation of the Siberian military men in the establishment and development of the Russian-Oirat diplomatic relations in the first half of the XVII century. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*. 2017. No. 4. Pp. 93–97. (In Russ.)
- Bakhrushin S. V. The Yenisei Kyrgyz in the 17th century. In: Bakhrushin S. V. *Scholarly Works*. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1955. Vol. 3. Part 2. Pp. 176–224. (In Russ.)
- Boronin O. V. Dual-Tribute System in Siberia, 17th to 19th Centuries (1860s). Barnaul: Azbuka, 2002. 216 p. (In Russ.)
- Brodnikov A. A. The third generation of Perfiyev (From the history of the Siberian service dynasty XVII century). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2012. Vol. 11. No. 8. Pp. 27–34. (In Russ.)
- Butanaev V. Ya. The History of How Khakassia (Khongorai) Became Part of Russia. Abakan: Katanov Khakass State University, 2007. 296 p. (In Russ.)
- Chertykov V. K. Khakassia and Its Relations with Russia and Central Asian Nations, 17th to Early 18th Centuries. Abakan: Khakassia Book Publ., 2007. 334 p. (In Russ.)
- Chimtdorzhiev Sh. B. Mongolia-Russia Relations, 17th–18th Centuries. Moscow: Nauka, 1978. 215 p. (In Russ.)
- Chimtdorzhieva L. Sh. 17th-Century Russian Embassies to Altan Khans of Mongolia. Ulan-

- Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2006. 156 p. (In Russ.)
- Dobzhanskiy V. N. Yakov Ostafyevich Tukhachevsky in Siberia (1629–1647). *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya Pisanitsa»*. 2019. No. 10. Pp. 109–138. (In Russ.)
- Kamenetsky I. P. “Belorustsy” from Arshinsky dynasty in the serve in Siberia in the XVII century. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*. 2015. No. 3. Pp. 83–87. (In Russ.)
- Kamenetsky I. P. Embassy by nobleman Y. Tukhachevsky to Altyn-Khan: Old and new in the Russian embassy practice of XVII century. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*. 2018. No. 1. Pp. 165–172. (In Russ.)
- Katanaev G. E. Kirghiz steppes, Central Asia, and North China in the 17th and 18th centuries. Collected observations, surveys, reports, notes and investigations by Cossacks from Western Siberia and other Siberian servicemen. *Zapiski Zap.-Sib. otdela Rus. geogr. o-va*. 1893. Vol. 14. No. 1. Pp. 3–72. (In Russ.)
- Khoroshkevich A. L. The Rus and the Crimea, Late 15th – Early 16th Century: From Allegiance to Opposition. Moscow: Editorial URSS, 2001. 336 p. (In Russ.)
- Kushnerik R. A. Russian-Dzungar Diplomatic Relations, 1600s–1750s. Barnaul: Altai State University, 2008. 266 p. (In Russ.)
- Leontieva G. A. Servicemen in Eastern Siberia, 1650s–1730s. Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2012. 320 p. (In Russ.)
- Likhachev D. S. 11th–13th century Russian ambassadorial procedures. In: Likhachev D. S. *Studies in Old Russian Literature*. Leningrad: Nauka, 1986. Pp. 140–153. (In Russ.)
- Liseitsev D. V. People and ranks: The complex issues of social stratification in Russia of 16–17 centuries. *Russian History*. 2021. No. 1. Pp. 157–163. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) *History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days*. In 3 vols. Elista: Gerel, 2009. Vol. 1. 845 p. (In Russ.)
- Moiseyev M. V. Models of behaviour of diplomats of the Moscow Russia: The general and individual (On the example of Russian relations with Nogaj Horde in the 16th century). In: *Studia Historica Europae Orientalis*. Vol. 4. Minsk: National Institute for Higher Education, 2011. Pp. 195–201. (In Russ.)
- Müller G. F. *History of Siberia*. Moscow: Vostochnaya Literatura (RAS), 2005. Vol. 3. 598 p. (In Russ.)
- Müller G. F. *History of Siberia*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1999. Vol. 1. 630 p. (In Russ.)
- Müller G. F. *History of Siberia*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2000. Vol. 2. 795 p. (In Russ.)
- Myasnikov V. S. *Qing Empire and Tsardom of Russia in the 17th Century*. Moscow: Nauka, 1980. 312 p. (In Russ.)
- Nikitin N. I. *Servicemen of Western Siberia in the 17th Century*. Novosibirsk: Nauka, 1988. 254 p. (In Russ.)
- Ogloblin N. N. 17th-century Siberian diplomats: Ambassadorial name lists. *Istoricheskiy vestnik*. 1890. Vol. 46. No. 10. Pp. 156–171. (In Russ.)
- Rogozhin N. M. ‘Was Assigned to Deal with the Affairs of State ...’: A History the Ambassadorial Prikaz. Moscow, Berlin: Direct Media Publ., 2019. 304 p. (In Russ.)
- Shastina N. P. 17th-Century Russian-Mongolian Ambassadorial Relations. Moscow: Publishing House of Oriental Literature, 1958. 182 p. (In Russ.)
- Talina G. V. *Viceroyalties, Late 16th to Early 18th Centuries*. Moscow: Prometey, 2012. 230 p. (In Russ.)
- Trepavlov V. V. *History of the Nogay Horde*. Kazan: Kazanskaya Nedvizhimost, 2016. 764 p. (In Russ.)
- Umansky A. P. *Teleuts and Russians, 17th–18th Centuries*. Novosibirsk: Nauka, 1980. 296 p. (In Russ.)
- Yuzefovich L. A. ‘As It Is Supposed to Happen according to Ambassadorial Traditions ...’: The Late 15th to Early 17th Century Russian Diplomatic Etiquette. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 1988. 216 p. (In Russ.)
- Yuzefovich L. A. *The Ambassador’s Path: Russian Ambassadorial Traditions, Procedures, Etiquette, and Ceremonial*. St. Petersburg: I. Limbakh, 2011. 340 p. (In Russ.)
- Zhukovsky S. V. *Russia and Bukhara: The Three Centuries of Relations Reviewed*. Petrograd: N. Yevstifeev, 1915. XII, 215 p. (In Russ.)

